

Тридцать два года назад Юй Цайсинь родилась в обычной семье в городе Ицзи. Ее родители были учителями в одной и той же начальной школе, и воспитывали ее до смешного строго.

До поступления в среднюю школу Юй Цайсинь была отличницей и долгое носила титул "цветка класса", потому что была самой симпатичной и милой среди всех остальных девочек в классе.

Но ее традиционные и старомодные родители считали, что это позор для семьи – так много привлекать внимание к своей внешности. Ей было достаточно получать хорошие оценки, а то, что ее называли "цветком класса", вызывало у них негодование.

В то время отец Юй Цайсинь был ее классным руководителем. Во время собрания класса отец раскритиковал ее перед классом, превратив титул "цветок класса" в ругательство и сказав, что ей должно быть стыдно за то, что ее так называют.

Странно, но с самого начала и до конца отец критиковал только собственную дочь, а не учеников, которые называли ее "цветком класса".

Юй Цайсинь не спорила и не пыталась защищаться. Она мирилась с суровым воспитанием родителей, пока не перешла в среднюю школу.

Средняя школа — это важный этап, когда у девочек происходят физические изменения. Она начала развиваться в первый год, став выше, ее подбородок заострился, начала расти грудь, и она постепенно приобрела фигуру девочки. Это сделало ее центром внимания мальчиков, как только она поступила в школу.

Постепенно люди снова стали называть ее красавицей, и даже мальчики-старшеклассники поджидали ее по дороге что бы проводить в школу.

Когда ее мать и отец узнали об этом от знакомого учителя, они были напуганы и рассержены тем, что их дочь может сосредоточиться на своей внешности и будет пренебрегать учебой, а также тем, что она будет обманута мальчиком и влюбится в раннем возрасте.

В те времена в городе Ицзи не требовали, чтобы ученики начальной и средней школы носили форму. Школьники надевали форму только на первой неделе обучения, во время торжественного поднятия флага; после этого они могли носить повседневную одежду из дома.

Родители Юй Цайсинь быстро придумали план. Они заперли все ее платья и юбки, заставили отрезать длинные волосы, оставив короткую мальчишескую стрижку. И разрешили ей носить только темные, мешковатые футболки и джинсы.

Такая одежда считалась невероятно "странной" в глазах девочек средней школы, которые начинали любить красоту.

Хуже всего, что в это время грудь Юй Цайсинь быстро росла, но мать отказывалась покупать ей бюстгалтер. Ее мать считала, что девочка, ее возраста, не должна носить такие вещи; это только "соблазнит" мальчиков и заставит их смотреть на нее грязными, нечистыми взглядами. В результате мать Юй Цайсинь покупала ей только майки, чтобы носить их в качестве нижнего белья.

Но майки были сделаны только из тонкой ткани и не обеспечивали никакой поддержки. Они никак не могли скрыть то, что девушка не хотела, чтобы видели другие.

Юй Цайсинь, которой запретили носить лифчики, вскоре стала посмешищем в своей школе.

Когда она шла, ее грудь колыхалась. Худшей частью школьных занятий всегда была физкультура. Мальчики насмехались и свистели ей в след, а благонамеренные девочки тихонько шептали ей: "Цайсинь, у тебя соски видны".

В подростковом возрасте лицо ребенка тоньше бумаги. Она больше не смела поднять голову и во всех случаях старалась свести свое присутствие к минимуму.

На втором году обучения в средней школе все остальные девочки тоже начали развиваться. Они носили симпатичные лифчики под красивыми платьями, и только Юй Цайсинь оставалась неизменной. Ее волосы по-прежнему были коротко стрижены, она по-прежнему носила только очки, темные футболки и джинсы.

Из "цветка" она превратилась в самую непопулярную ученицу в классе.

Она начала полнеть, ее лицо покрылось прыщами, что делало ее все более серой и непопулярной.

Некоторые мальчики начали описывать ее как "отвратительную" и "кучу жира".

А ведь всего меньше года назад она была самой популярной девочкой в классе.

Люди смеялись над ее платьем, над ее прической, над ее фигурой, над ее грудью, которая колыхалась еще больше из-за ожирения.

Она сэкономила и сэкономила, пока не собрала достаточно денег, чтобы купить себе бюстгалтер, и тайком надевала его, как только приходила в школу. Но она смогла носить его совсем недолго, пока однажды мать не вызвала ее из класса. Когда она вернулась, лицо Юй Цайсинь было залито слезами, а лифчик снова был заменен на майку.

Город Ицзи совсем небольшой, и сплетни распространяются очень быстро.

Различные версии этой истории распространились мгновенно, и она стала предметом обсуждения во многих семьях после ужина.

Когда Юй Цайсинь на третьем году перевелась в лучшую среднюю школу города, Вторую среднюю школу Ицзи, учитель, отвечающий за психическое здоровье учеников, сказал родителям Юй Цайсинь, что у нее развились серьезные психологические проблемы из-за травли. Учитель предложил отправить Юй Цайсинь к психологу или, по крайней мере, согласиться на консультации в школе.

В те времена термин "психологические проблемы" был новым не только в маленьких, но и в больших городах.

Для многих людей иметь "психологические проблемы" было то же самое, что быть сумасшедшим.

Третий год средней школы был важным периодом для учеников в академическом плане. Отец Юй Цайсинь сразу же отказался от всех предложений обратиться за помощью, считая, что любые консультации это все пустая трата времени.

— Какие психологические проблемы? Как у моей дочери могут быть психологические проблемы! Обучение — это первоочередная задача! Мы оба учителя и знаем как правильно воспитывать дочь, не обманывайте меня!

Высокий уровень Средней школы №2 сопровождался соответствующим высоким уровнем конкуренции среди студентов. Под многочисленными нагрузками, связанными с учебой, внешностью и родителями, психическое состояние Юй Цайсинь становилось все хуже и хуже, и во втором семестре она проглотила большое количество снотворного. Если бы классный руководитель вовремя не нашел ее и не отвез в больницу, боюсь, она бы не вернулась к жизни.

И снова она стала предметом всеобщего внимания.

После этого случая отношения между Юй Цайсинь и ее родителями становились все более напряженными.

Когда она перешла в старшую школу, она решила жить в школе и почти не бывала дома.

Когда она не находилась под контролем родителей, она сэкономила деньги на еде и тайком покупала дешевую, но красивую одежду, и постепенно похудела, возвращаясь к своей первоначальной фигуре.

Во втором семестре выпускного класса ее оценки немного колебались, что даже ее классный руководитель считал нормальным и не поводом для беспокойства, но ее отец и мать ворвались в ее общежитие после родительского собрания, нашли всю красивую одежду в шкафчике и

разорвали ее у нее на глазах.

— Я так и знала! Твои оценки упали из-за этой одежды! — кричала ее мать, всхлипывая. — Все, о чем тебе сейчас нужно заботиться, — это учеба, а не наряжаться что бы выглядеть красиво! Ты все еще студентка! Чего ты добьешься, наряжаясь? Почему ты не слушаешь своих маму и папу? Мы делаем это для твоего же блага!

Все девушки в общежитии бросились посмотреть на переполох. Все они наблюдали, как мать Юй Цайсинь все время толкала ее в плечо, читая нотации, пока не прижала к стене...

Драма средней школы снова повторилась. Все усилия Юй Цайсинь были разбиты вдребезги ее родителями "для твоего же блага". Она снова стала посмешищем для своих одноклассников.

В течение трех лет обучения в старшей школе Юй Цайсинь постоянно дразнили за внешний вид. По кампусу ходили истории о том, что ее одежду порвала собственная мать, и даже ученики младших классов подшучивали над ней.

— Бедная Юй Цайсинь, ее родители такие странные, не так ли?

— Что на ней вообще одето?

— Да, и посмотрите на ее прическу. Вообще-то она не уродлива. Разве она не может немного привести себя в порядок?

— Я слышала от ее одноклассниц, что она совсем не носит юбки.

— Правда? Как девушка может не носить платья?

— Почему она такая толстая? Она слишком уродлива, не так ли?

Наконец, после вступительных экзаменов в колледж, Юй Цайсинь удалось поступить в колледж за пределами города Ицзи. Она смогла оставить своих родителей в прошлом. В университете ей удалось найти себе парня.

Это были, пожалуй, самые легкие и счастливые четыре года в ее жизни.

Но ее парень был уроженцем Ицзи и настоял на возвращении в родной город после окончания учебы, потому что его семья помогла ему там найти работу.

Поэтому Юй Цайсинь пришлось снова вернуться в город Ицзи вместе с ним.

Вскоре после этого ее парень изменил ей, а "любовницей" стала его коллега по работе, красивая и хорошо одетая.

В маленьком городе Ицзи Юй Цайсинь снова стал объектом шуток.

В возрасте 24 лет она покинула Ицзы и приехала работать в Донгье, оборвав все контакты с семьей.

— Юй Цайсинь всегда страдала из-за своей внешности, — сказал Сяо Юань. — После приезда в город Донгье она практически стала новым человеком. Успех в карьере придавал ей все больше уверенности, но тени прошлого — притеснения родителей, насмешки одноклассников, предательство парня... Все это образовало крепкие узлы в ее сердце, которые никогда не распутать. Она не обращалась к психиатру все эти годы, позволяя своим проблемам становиться все больше и больше.

— Поэтому она и не могла адекватно воспринимать негативные комментарии в адрес своей внешности. До пластической операции она время от времени прогуливалась по центру Хуаюнь, чтобы получить одобрение от любителей уличной фотографии, но единственные комментарии, которые она получала, были "она плохо выглядит". — Минг Шу вздохнул. — Мы не можем знать степень ненависти и боли, затаившихся в ее сердце. У нее никогда не было возможности отомстить родителям, одноклассникам или своему парню. Но теперь у нее появилась возможность отомстить Чэнь Цюаньхану и Ло Сяньфу.

Сяо Юань покачал головой.

— Возможно, дело не только в "способности отомстить". Много лет назад состояние Юй Цайсинь просто не было таким тяжелым. Когда она была просто студенткой, ее ненависть еще не превратилась в убийственное намерение. Но за все восемь лет, прошедших с тех пор, как она переехала в город Донгье, она была одна. У нее никогда не было парня, рядом не было ни семьи, ни друзей. Внешне Юй Цайсинь выглядит успешным человеком, но то, через что она прошла и что несла на своих плечах в течение этих восьми лет, понятно только ей. Это тоже поспособствовало усугублению ее психологических проблем.

Минг Шу вдруг подумал о Цао Сяне.

— Внутри ее компании Синь Сян много проблем. Юй Цайсинь и ее партнер Цао Сян постоянно сражаются за власть.

Сяо Юань посмотрел в окно.

— Возможно, Юй Цайсинь почувствовала, что достигла предела. Посетив в тот день центр Хуаюнь она хотела получить комплимент, даже если он был от незнакомца. Но вместо этого встретила Чэнь Цюаньхана, который в лицо назвал ее некрасивой.

На мониторах перед ними воспроизводилась прямая трансляция разговора Юй Цайсинь с Чжоу Юанем. Юй Цайсинь часто смеялась, но этот смех был довольно странным.

Минг Шу наблюдал за ней. Для него она была похожа на великолепную мраморную статую, которая начинает трескаться и крошиться изнутри.

— У Юй Цайсинь нет никого, кому бы она доверяла, как и у Хоу Чэна. Вряд ли она позволила бы другу хранить фотографии для нее, и вряд ли она держала бы их где-то далеко, — сказал Сяо Юань. — Они должны быть где-то рядом, там, где она может получить к ним доступ когда захочет снова пережить те волнительные моменты отчаяния своих жертв.

— Мы уже обыскали ее дом, — сказал Минг Шу. — Может, мне пойти и еще раз все осмотреть?

— Подожди. — Сяо Юань сделал паузу. — Если фотографии не в ее доме, то где они могут быть?

— Где... — Минг Шу уже давно задавал себе этот вопрос, но никак не мог найти на него ответ.

Юй Цайсинь могла спрятать фотографии где угодно. Она могла закопать их на одной из клумб в своем жилом комплексе. Или спрятать так далеко, что и полиция не доберется.

— Где-то рядом с ней, там где она сможет получить к ним доступ в любое время. Но в то же время в таком месте, которое бы полиция никогда не нашла, — размышлял Сяо Юань, бормоча про себя. — Где бы это могло быть...

Минг Шу закрыл глаза. В его голове проносились беспорядочные подсказки, сталкиваясь снова и снова.

Он уже просмотрел большинство записей с камер наблюдения в районе набережной. Юй Цайсинь придерживалась очень регулярного графика, уходя из дома и возвращаясь домой примерно в одно и то же время каждый день. Она не делала ничего подозрительного или странного в своем районе. Она часто заходила в близлежащий магазин, чтобы купить продукты и сигареты. Иногда она покупала фрукты у местного торговца или забирала посылки у службы доставки.

Служба доставки?

Глаза Минг Шу внезапно широко раскрылись.

Маленький, незначительный инцидент всплыл, как кусок дрейфующего дерева, в уголке его мечущегося сознания.

Перед тем как отправиться в Лочэн, чтобы разыскать Погребенное Сердце, Минг Шу заказал набор кухонной утвари и отправил его по почте к Сяо Юаню. К моменту доставки посылки ни один из них не был в городе Донгье, чтобы забрать ее.

Офис управления недвижимостью дома Сяо Юаня получил посылку, и управляющий позвонил им, чтобы попросить забрать ее как можно скорее. Они могли хранить посылку только неделю.

Его это немного раздражало.

Он часто делал покупки через Интернет, но почти всегда посылки доставлялись в его собственную квартиру. Только изредка что-то он отправлял в дом к Сяо Юаню. А в своем доме ему никогда не говорили, что посылки могут храниться только неделю.

Посылки для него забирала не контора по управлению недвижимостью, а ближайший круглосуточный супермаркет. Минг Шу постоянно ездил куда-то по работе, и его часто не бывало дома по несколько недель. Он давно договорился с работниками магазина, что они будут хранить его посылки до тех пор, пока у него не будет возможности их забрать, а он будет просто немного доплачивать за эту услугу.

Когда человек считается подозреваемым, полиция обыскивает его дом, квартиру, даже жилище его родственников или друзей, но никогда — магазин по соседству.

— Ге! — воскликнул Минг Шу. — Я вспомнил подходящее место.

Возле общины, где проживала Юй Цайсинь было четыре круглосуточных супермаркета, и все они предлагали услуги по приему и хранению посылок. Минг Шу лично возглавил свою команду, чтобы спросить в каждом магазине, но все менеджеры сказали одно и то же — они никогда не принимали посылки, адресованные Юй Цайсинь.

И после повторного обыска дома Юй Цайсинь все еще ничего не было найдено.

— Шеф. — Фан Юаньхань бросил Минг Шу одну из бутылок воды, которые он купил в последнем магазине, куда они заходили. — Нам придется заставить Юй Цайсинь признаться. Как мы еще можем их найти?

— Как ты заставишь ее признаться? — спросил Минг Шу. — Будешь пытаться?

Фан Юаньхань закатил глаза.

— Учитель, что вы такое говорите?

— Я бы задал тебе тот же вопрос, — ответил Минг Шу. Он одним махом выпил половину

бутылки воды и нахмурил брови от палящего солнца. — Знаешь, почему Юй Цайсинь такая высокомерная? Это потому, что она уверена, что мы не сможем найти никаких доказательств. Если мы ничего не сможем найти, нам придется отпустить его по истечении срока задержания. Как ты думаешь, при таких обстоятельствах она безропотно признает свою вину?

Фан Юаньхан прижал бутылку с водой к лицу. Может быть, чтобы охладить кожу, а может быть, чтобы охладить мозг.

Минг Шу вернулся к полицейской машине. Как раз когда он начал обдумывать свои дальнейшие действия, он заметил, что у ворот №2 жилого комплекса Юй Цайсинь спорят несколько человек.

Курьер из службы доставки с трехколесным велосипедом, полным посылок, спорил с кем-то из офиса по управлению недвижимостью. Курьер кричал:

— Какого черта им разрешили войти?!

Под "ними" подразумевался более крупный фургон, который только что проехал через ворота.

— Ты новенький, верно? — сказал менеджер недвижимости. — У вашей службы доставки нет контракта ни с одним из магазинов в нашем квартале. Поэтому ты не можешь войти.

— Тогда что мне делать со всеми этими посылками? — Курьер был весь в поту, на его молодом лице было написано беспокойство.

— Отдай туда. — Менеджер указал через дорогу на небольшой ряд магазинов. — Курьеры вашей компании обычно выгружаются там, видишь?

В голове Минг Шу промелькнуло озарение, и он тут же рявкнул:

— Туда!

Когда они проверяли местные круглосуточные супермаркеты, Минг Шу упустил из виду одну вещь. Такие магазины были далеко не единственными местами, где можно было забрать или хранить посылки. Можно было договориться о такой услуге даже с овощными киосками, химчистками, ресторанами и аптеками за пределами жилого комплекса.

Для жителей общины не было никакой разницы между тем, где получать посылки — внутри общины или за ее пределами. Это было всего лишь делом нескольких лишних шагов.

Проверив половину магазинов в квартале, фруктовый киоск под названием "Счастливый персик" признался, что у них есть посылка для мисс Юй.

Прошло немало времени, прежде чем владельцу магазина удалось откопать плотно завернутую коробку, запрятанную в дальний угол их грязного склада.

— Вот! Это она!

Минг Шу поспешно взял пакет и посмотрел кто был отправителем. Посылка была отправлена службой доставки из района Бэй, а номер телефона отправителя показался ему знакомым.

Через несколько секунд Минг Шу вспомнил. Этот номер принадлежал одному из мобильных телефонов Юй Цайсинь, а номер получателя — другому ее телефону.

— Она дает мне сто долларов в месяц, чтобы я хранил ее посылки. Она сказала, что каждый день работает допоздна и возвращается только к середине ночи. Конечно, мой магазин к тому времени уже закрыт, поэтому она не всегда может сразу забрать свою посылку, — сказал владелец. — Поскольку она неплохо платит, я, конечно, был готов поддержать ее посылки несколько дополнительных дней. Она уже несколько раз забирала их у меня, и всегда это была вот такая коробочка, но я не знаю, что она покупает. Прошло уже более полумесяца, а она так и не пришла за последней.

Минг Шу передал коробку Фан Юаньхану.

— Чувствуешь вес? Если там то, что мы ищем, то это может быть фотокамера.

Юй Цайсинь снова привели в комнату для допросов. Под бледным светом верхнего освещения она потрясенно уставилась на прозрачный пакет с уликами, лежащий перед ней. В нем находился цифровой фотоаппарат.

— Я нашел самую важную улику, — сказал Минг Шу. Он взял в руки стопку фотографий и разложил их на столе одну за другой. — Теперь вы не сможете выкрутиться, да?

В правом нижнем углу этих фотографий указано точное время, вплоть до минуты, убийства Чэнь Цюаньхана и Ло Сянфу. На фотографиях их лица были закрыты собственной одеждой, отчетливо было видно только обнаженные, бледные тела пожилых мужчин.

Несмотря на то, что их лица были закрыты, их страх и отчаяние были ощутимы. Этот ужас, что был запечатлен и сохранен во времени, был очевиден детективам.

На более поздних фотографиях одежда уже была снята с лиц жертв. Хотя эти двое мужчин не были похожи друг на друга, выражение ужаса на их лицах было одинаковым.

Они плакали, умоляя о пощаде, слезы текли по их старым лицам, они пытались вырваться, но не могли пошевелить даже пальцем.

— На фотоаппарате был обнаружен только один набор отпечатков пальцев. Ваш. А на ремешке мы нашли следы крови Ло Сянфу. Вы, должно быть, не заметили ее, когда протирали фотоаппарат. — Минг Шу посмотрел на Юй Цайсинь с торжественным выражением лица. — У вас есть что сказать?

В комнате для допросов надолго воцарилась тишина, прежде чем Юй Цайсинь издал дрожащий, приглушенный смех.

— Да, я убила их. — Ее искусственно вылепленное лицо в какой-то момент стало отвратительным, как плохо нарисованная картина: — Я не только убила их, я сделала их фотографии! Они так любят фотографировать людей, что я тоже их сфотографировала! Сфотографировала их собственные тела, чтобы они увидели, насколько они уродливы! Кто они такие, чтобы судить меня, когда они сами такие отвратительные?

Глаза Минг Шу потемнели. На лице Юй Цайсинь больше не было и следа той доброты, которая была у нее, когда она бросилась на защиту ребенка.

Человеческие существа были самыми сложными для понимания. Юй Цайсинь была способна убить незнакомца из-за одного оскорбления, и она была способна подвергнуть свою жизнь риску, чтобы защитить чужого ребенка.

— Разве они не заслуживают смерти? — Юй Цайсинь засмеялась. — Некоторые люди заслуживают смерти. Я оказала миру услугу.

— Вы так хорошо играете, — сказал Минг Шу. — Вас вдохновил Лу Кунь?

Юй Цайсинь покачала головой.

— Вы ничего не понимаете.

— Если я ничего не понимаю, то как я смог разгадать суть вашей уловки? Как я нашел фотоаппарат во фруктовой лавке? — спросил Минг Шу с холодной улыбкой. — Вы не осмелились оставить фотоаппарат при себе, но и не смогли заставить себя удалить эти фотографии. Вы хотели иметь возможность любоваться отчаянием своих жертв, как только включите фотоаппарат. Поэтому вы отправляли его по почте из различных служб доставки, расположенных недалеко от вашего офиса, и посылка лежала в фруктовом магазине, пока вы не забирали ее. Поскольку вы платите залог, владелец очень внимателен, так что посылка никогда не потеряется. Когда вы захотите пересмотреть фотографии, вы просто заберете пакет, как будто это обычная посылка. Вы никак не могли вызвать подозрений. В конце концов, забирать посылку — обычное дело. А после того как вы заканчивали любоваться своими фотографиями, вы упаковали камеру и снова отправили ее по почте. Таким образом, вы

никогда не потеряете свои "трофеи", а полиция никогда их не найдет.

Щеки Юй Цайсинь дернулись.

— Заявления Лу Куня натолкнули вас на мысль, что вы тоже можете прикрываться "справедливостью", — продолжал Минг Шу. — Вы намеренно купили книгу от которой Лу Кунь сошел с ума и демонстративно поставили ее на полку. Позвольте мне угадать, сейчас вы хотите сказать: "Погребенное Сердце заставило меня сделать это! Я убила их под влиянием его книги!". В тот день в кафе "Шу Хань" вы не только спасли ребенка, но придумали себе оправдание.

Потные руки Юй Цайсинь прижимались к столу для допросов, издавая неприятный звук.

Минг Шу продолжил:

— Если вы хотели заявить, что Погребенное Сердце вынудило вас убить, то, по крайней мере, вам следовало бы сделать это с чуть большей искренностью и прочитать его книги страницу за страницей, вместо того чтобы купить их, пролистать несколько раз и положить на полку.

Измененное хирургами лицо Юй Цайсинь совсем не двигались. Но ее маска была сорвана и полностью уничтожена. Вся ее тщательно вылепленная красота исчезла.

— Я хочу подчеркнуть, что именно вы совершили преступление, — сказал Минг Шу. — Независимо от того, находились ли вы под влиянием Погребенного Сердца или нет, только вы должны ответить за совершенные преступления!

После нескольких вдохов тишины она словно не выдержала, и ее спина врезалась в спинку кресла.

Раздался глухой звук, и офицер, что записывал допрос, испугался и чуть не встал, чтобы помочь Юй Цайсинь.

— Я некрасивая? — неожиданно спросила Юй Цайсинь.

За пределами комнаты для допросов Фан Юаньхан смотрел прямую трансляцию и сказал:

— Я не понимаю. Почему она так заиклена на своей внешности? Будь то до операции или после, она никогда не была уродлиной. Если она считает себя уродливой, то что тогда делать девушкам, которые выглядят еще более обыденно, чем она?

— Она заиклена не на своей внешности, а на мнении окружающих, — сказал со вздохом обычно молчаливый Чжоу Юань. — У каждого есть свои демоны, и она одержима тем, как ее

воспринимают другие. Если бы кто-то попросил сфотографировать ее в тот день, она бы не стала такой.

— Это было самое трудное время для меня, команда потеряла несколько заказов от крупных клиентов, а Цао Сян пытался переманить самых перспективных членов команды, которую я с таким трудом собрала. Я слышала, как люди шептались об этом, что мол Цяо Сян куда более успешен, чем старуха, утратившая деловую хватку.

Юй Цайсинь наклонила голову, ее глаза смотрели в никуда. Она продолжила размеренным голосом:

— Они говорили, что я старая и деревенщина, что я полагаюсь на тональный крем, чтобы скрыть морщины на лице, и дизайнерскую одежду, чтобы скрыть мое полнеющее тело. Не так давно мы наняли молодую секретаршу, красивую модницу. И я вдруг вспомнила, что произошло много лет назад в моем родном городе, где на меня постоянно указывали пальцами. После всех этих лет я думала, что смогла избавиться от таких комментариев как "грязная", "уродливая" и "толстая". Но в глазах других я по-прежнему грязная, уродливая, толстая... просто к этим словам добавилось еще одно — старая.

Юй Цайсинь мрачно улыбнулась:

— Я старая женщина. Я гуляю в центре Хуаюнь, и ни одна камера не направлена на меня. Даже когда я намеренно прохожу перед этими фотоаппаратами, они лишь секунду смотрят на меня, а потом идут за красивыми молодыми девушками. Вы понимаете это чувство?

Брови Минг Шу слегка нахмурились.

— Меня как будто бросила судьба. Они видят только тех, кто молод и красив, неважно, насколько дорогие вещи я ношу и насколько изыскан мой макияж, они не видят меня. — Юй Цайсинь взволнованно произнесла: — Они замечают меня время от времени, а потом говорят мне своими глазами: "ты такая уродливая, ты не заслуживаешь того, чтобы я тебя фотографировал". Чэнь Цюаньхань назвал меня уродиней в лицо. И Ло Сянфу, который предпочитал гоняться за женщинами, которые не хотели фотографироваться, вместо того, чтобы остановиться, и снять меня. В тот день, когда я его увидела, он преследовал женщину в таком же наряде, как у меня. Он намеренно унижал меня!

Фан Юаньхан покачал головой.

— Юй Цайсинь бредит, верно? Как это может быть намеренным унижением? Ло Сянфу, вероятно, даже не заметил ее.

Чжоу Юань сказал:

— По ее логике, быть незамеченной равносильно унижению.

— Я не хочу, чтобы люди, которые меня унизили, продолжали жить, поэтому они все должны умереть, — заявила Юй Цайсинь, снова встретившись взглядом с Минг Шу и улыбнулась. — У меня было всего несколько небольших пластических операций. После этого они все сходили с ума по мне. Они умоляли меня позволить им сфотографировать меня. Разве это не смешно?

— Вы были в доме Чэнь Цюаньхана, — сказал Минг Шу.

— Конечно! — В глазах Юй Цайсиня внезапно появился блеск. — Он преследовал меня в центре Хуаюнь уже несколько раз, и я никогда не позволяла ему фотографировать меня. Я притворилась, что "просто прохожу мимо" улицы Пусинь и подарила ему бутылку ликера. Сказала, что если он действительно хочет меня сфотографировать, то может встретиться со мной в одиннадцать вечера около рощи внутри старого парка развлечений. Этот старик действительно сделал именно то, что я ему сказала. Когда он пришел в парк развлечений, то был уже пьян в стельку. Все, что мне нужно было сделать, это закрыть его нос хлороформом, и он больше не смог сопротивляться.

— Второго июля, — продолжил Минг Шу. — Вы убили Ло Сяньфу таким же способом.

Юй Цайсинь на мгновение замолчала, а затем сказала:

— Ло Сяньфу был очень странным, он хотел сфотографировать меня в профессиональной одежде и сказал что-то о том, как это может помочь девушкам в отдаленных районах. Он сказал, что я обладаю аурой настоящей профессиональной женщины, не похожей на тех девушек в красивых длинных платьях, и что мои фотографии с большей вероятностью изменят мнение любого, кто бы их не увидел. Странно, я была достаточно профессиональной и до того, как сделала пластику, и время от времени носила профессиональную одежду, так почему же он не заметил моей красоты тогда? В конце концов, все это лишь жалкая отговорка.

— Вы обещали надеть профессиональный костюм для Ло Сяньфу. Вы дали ему бутылку алкоголя с наркотиками и заставили его ждать вас поздно ночью в парке развлечений. — Минг Шу вздохнул. — Убивая их, вам не было страшно?

— По какой причине я должна была бояться? — спросила Юй Цайсинь. — Мне часто казалось, что убивают именно меня. Когда я была еще девочкой меня убивали многие люди. Вы когда-нибудь искали мое тело? Вы когда-нибудь искали справедливости для меня? Все вы просто смеялись и смотрели, используя мою боль как повод для шуток, никому никогда не было до меня дела, ни моим родителям, ни моим одноклассникам, ни моему бывшему парню...

По щекам Юй Цайсинь скатились дорожки слез. Она опустила голову и подняла руку, чтобы вытереть их.

— Почему бы вам не пойти и не спросить, чувствовали ли они страх, когда убивали меня?

<http://bllate.org/book/14859/1321907>